МЕГАПОЛИСЫ И ПРОВИНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА КОМПЛЕКСНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН
Михаил Константинович Горшков

Современную Россию принято характеризовать как мультикультурное общество. Считается, что в нем параллельно сосуществуют несколько укладов, наиболее полярными из которых являются, с одной стороны, Москва и Санкт-Петербург – столичные мегаполисы, а с другой – «российская глубинка» – преимущественно удаленные от крупных индустриальных и информационных центров малые и средние города, села. Первые – это якобы яркие представители постиндустриального уклада жизни, своего рода «очаги глобальной цивилизации», а вторые – носители традиционной культуры, являющиеся во многом синтезом советской и досоветской культурных традиций.

Подобные различия приобретают особо значимый характер в условиях слабости экономических, духовно-психологических и национально-этнических связей, неразвитости инфраструктуры, разрывов в уровне и качестве жизни, порождая глубокое взаимное недоверие и даже неприятие. Так, для части жителей мегаполисов провинциальная Россия – это остатки социального варварства и бескультурья, а для части провинциалов, напротив, столица – своего рода «Вавилонская блудница», источник попрания традиционных национальных ценностей и образчик «сытой жизни», причем «за счет остальной страны». Эта мифология носит довольно устойчивый характер и воспроизводится, тиражируется в массовом сознании россиян не без участия СМИ.

Вместе с тем, по оценкам ИКСИ РАН, в последние годы происходит определенное смягчение ценностного противостояния, столь характерного для первой половины 90-х. Соответственно меняется и вектор этого противостояния. Мифология, ранее направленная исключительно на столицы, зачастую переносится уже на крупные республиканские, краевые и областные центры, а также на центры успешно развивающихся регионов, жители которых вызывают у окрестного населения чувство зависти и неприязни.

В этих условиях резонно возникают вопросы – так ли в действительности непримиримы и далеки друг от друга жители российских мегаполисов и провинций, как это принято считать? Какие процессы на фоне качественного изменения в России межрегиональных связей (экономических, социокультурных, информационных и других) на самом деле происходят в сознании и поведении жителей мегаполисов и провинций? Насколько живучи представления наших сограждан, характеризующие массовую мифологию современной России, отражающую нынешнюю жизнь в различных типах поселений, а вместе с этим и ценностный мир, интересы и предпочтения их жителей? Наконец, продолжает ли Россия оставаться духовно и психологически «разорванным» пространством по примеру начала 90-х годов или в недрах российского общества вызревают предпосылки для нового социокультурного единения народов и территорий?

В целях получения ответов на эти и подобные им вопросы ИКСИ РАН в декабре 2003 года в сотрудничестве с представительством Фонда им. Ф. Эберта в РФ осуществил общероссийское социологическое исследование «Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность». По специальной выборке было опрошено 1780 жителей всех типов городских поселений. При этом при разработке модели выборки учитывалось, что в 2003 году в России насчитывалось 1098 городов с общей численностью населения 105 080,9 тыс. человек. В том числе:

– 2 мегаполиса (Москва и Санкт-Петербург), доля населения которых в составе общей численности городского населения России составляет 12,3%;
– 160 городов с численностью населения от 100 тыс. и более, что составляет 50,2% от всех городских жителей (назовем это большой провинцией);
– 936 городов с населением менее 100 тыс. человек, доля населения которых в составе общей численности городского населения России составляет 37,5% (назовем это малой провинцией).

В используемой модели выборки была *сохранена пропорциональность по всем типам городов.* Причем города были отобраны как из дотационных, так и из донорских регионов. Жители сельской местности в выборку не включались.

ОБРАЗЫ СТОЛИЦЫ И ОБРАЗЫ ПРОВИНЦИИ В СОЗНАНИИ РОССИЯН

Как показывают результаты настоящего исследования, последние годы ознаменовались существенным ослаблением противостояния по линии «мегаполисы – провинции», столь характерного для середины 90-х годов. Почему это произошло? Во-первых, по причине некоторого выравнивания темпов преобразований в стране, когда в целом ряде регионов экономическая и социальная ситуация стала приближаться к московской. Во-вторых, вследствие консолидации федеральных и региональных элит вокруг Президента В. Путина. И, в-третьих, по причине преодоления «московоцентризма» за счет усиления позиций во властных институтах «питерской команды», что заметно усилило позиции Санкт-Петербурга как второй столицы России.

В то же время *противоречия, возникшие на «старте» рыночных реформ между Москвой и остальной Россией, о чем также свидетельствуют результаты исследования, еще долгое время будут сказываться на их отношениях.* Речь прежде всего идет о преимуществах и недостатках проживания в разных типах поселений с точки зрения престижности, доступности жизненных благ, возможностей для реализации собственных жизненных стратегий. А это, в свою очередь, будет влиять на формирование того или иного образа столиц и провинций в глазах россиян. Результаты проведенного исследования позволяют зафиксировать как различия в этих образах, так и то, в какой степени на их формирование влияют мифы, а в какой – рациональные оценки и суждения, базирующиеся на жизненном опыте людей.

Характерно в этом отношении согласие 57,7% «провинциалов» с тезисом о том, что «Москва богатеет за счет всей остальной страны». Вместе с тем лишь каждый пятый из них согласился с суждением, что это богатство распространяется на всех жителей города, что «жизнь в Москве сытая, все москвичи живут хорошо». Зато половина жителей провинций (49,3%) полагает, что в Москве так же, как во всей России, есть и богатые, и бедные. При этом склонны считать Москву «сердцем» России главным образом сами москвичи (41,9%) и отчасти жители малой провинции – небольших городов и районных центров (32,6%).

Понятно, что москвичи не согласны с большинством негативных оценок, сложившихся в последние годы в массовом сознании россиян по поводу их города. Однако и они по ряду позиций демонстрируют удивительно высокий уровень самокритичности. Это прежде всего относится к таким характеристикам, как «Москва – коррумпированный, жестокий город, однако с большими возможностями для целеустремленных людей». Жители же второго мегаполиса – Санкт-Петербурга – в целом солидаризируются в своих оценках московской жизни скорее с провинциальной Россией, чем с москвичами.

Несколько иным выглядит образ Москвы в представлениях различных возрастных групп респондентов в мегаполисах и провинциях. Так, молодежь, проживающая в мегаполисах, в меньшей степени склонна видеть Москву в качестве «сердца» России, считать, что она «дорога и близка каждому россиянину». Скорее этот образ характерен для старших возрастных групп жителей мегаполисов. Для столичной же молодежи, впрочем, как и для провинциальной, Москва – это скорее определенная «стартовая площадка» в успешную жизнь, город с большими возможностями.

Вместе с тем и провинциальные города россияне оценивают достаточно критично. С одной стороны, *в массовом представлении россиян провинции характеризуются прежде всего теплыми человеческими отношениями, нормальным ритмом жизни, а также тем, что провинции – это и есть «настоящая Россия».* С другой стороны, по мнению также значительного числа респондентов, провинции являются отсталой периферией, где трудно и неинтересно жить и где процветает произвол бюрократии. При этом у жителей Москвы, Санкт-Петербурга и самих провинциалов нет существенных расхождений в оценках, за исключением, пожалуй, того, что провинциальные жители в меньшей степени соглашаются с тем, что в глубинке современному человеку жить трудно и неинтересно.

В сложившихся образах провинций также существует определенная возрастная дифференциация. Так, среди молодежи мегаполисов, как и среди провинциальной молодежи, российские провинции реже воспринимаются как настоящая, сохранившаяся Россия; место, где существуют более теплые человеческие отношения. Этот образ традиционалистской российской глубинки с характерной для нее теплотой человеческих отношений больше распространен среди респондентов старших возрастных групп, причем в большей степени в составе жителей мегаполисов.

Сравнение образа Москвы и образа провинций, сложившихся в массовом сознании, выявляет своеобразную «линию напряжения», укладывающуюся *в основное противоречие современного российского общества – противоречие между богатыми и бедными,* где «богатая» жестокая Москва противостоит «бедным», отсталым провинциям, в которых тем не менее сохранились более привычные и комфортные отношения для

Таблица 1

ОЦЕНКА ЖИТЕЛЯМИ
МЕГАПОЛИСОВ И ПРОВИНЦИЙ, ГДЕ ЛЕГЧЕ ПРОЖИТЬ
(в процентах)

	Мегаполисы			Провинции		
Где легче прожить	в целом	Москва	Санкт-Петербург	в целом	большая провинция	малая провинция
В мегаполисах	39,2	39,0	39,6	28,6	30,2	26,9
В провинциях	5,5	7,0	2,2	12,9	13,6	12,1
Везде одинаково трудно	44,0	42,7	47,0	44,5	42,8	46,1
Затруднились ответить	11,3	11,3	11,2	14,1	13,3	14,8

значительного числа россиян. При этом уже вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что в рамках этих образов имеются нюансы, делающие их далеко не такими однозначными, как кажется на первый взгляд. Это видно еще более отчетливо, если посмотреть на проблему образов Москвы и провинций в представлениях россиян через призму тех ассоциаций, которые связаны с ними в массовом сознании.

Вот через какие понятия, получившие поддержку более 50% респондентов, складывается образ Москвы в глазах самих москвичей: карьера, образованность, развитие, благосостояние, деловитость, культура, насилие, энергия, интеллект, заносчивость, наркотики; и образ Москвы в сознании петербуржцев: благосостояние, развитие, образованность, наркотики, деловитость, культура.

А вот какое представление о столице у жителей большой провинции: карьера, образованность, развитие, благосостояние, культура, наркотики, насилие, заносчивость, энергия, деловитость, лицемерие, интеллект. Наконец, у жителей малой провинции образ Москвы выстраивается в следующую последовательность понятий: образованность, благосостояние, карьера, развитие, культура, наркотики, лицемерие.

При наложении четырех реконструированных моделей получается достаточно обширная зона смыслового пересечения. В нее входят прежде всего такие присущие всем четырем образам Москвы понятия, как *благосостояние, образованность, развитие, культура* и (к сожалению) *наркотики.* Сюда же, вопреки «особому мнению» петербуржцев, следует отнести и *карьеру.*

Обратимся теперь к другому полюсу современной российской действительности – к обычному провинциальному городу. В глазах москвичей и петербуржцев образ такого города включает в себя в первую очередь такие понятия, как *пьянство, скука, доброта, открытость, деградация.* В Москве к этому списку добавляется *патриотизм,* а в Санкт-Петербурге – *душа.*

Сами жители провинций используют в нарисованной ими картине обычного российского города очень похожие краски. Это опять-таки *пьянство, скука, доброта, открытость.* Часто (на уровне около 50%) к этому списку примыкают *кризис и деградация,* а также *душа.*

На первый взгляд, по приведенным данным, как будто бы вырисовывается картина расколотой страны, в которой центр и периферия живут в разных измерениях и проявляют при этом совершенно разные качества. Однако не следует торопиться с выводами. Для полновесных выводов важно выяснить представления россиян о том, какие возможности для самореализации предоставляет жизнь в мегаполисах и в провинциях. Как показало исследование, и столичные жители, и жители провинций видят большие возможности для реализации своих жизненных целей в мегаполисах лишь по трем позициям, две из которых, однако, имеют главное значение для успеха в жизни – это возможность получения образования и возможность найти работу, соответствующую профессиональным интересам. Есть еще одна позиция, по которой столичные возможности рассматриваются как преимущественные – это доступ к власти, возможность стать влиятельным человеком.

На фоне этих данных уже не случайно выглядит тот факт, что значительная часть наших сограждан убеждена в том, что сегодня нет принципиальной разницы, где жить – в столицах или в провинциях, везде одинаково трудно. И лишь немногим более четверти провинциальных жителей полагают, что в столицах прожить все-таки легче (табл. 1).

Некоторую дифференциацию оценок жизни в мегаполисах и провинциях демонстрируют столичные и провинциальные жители с разным уровнем доходов. Так, в оценках жителей мегаполисов с месячным душевым доходом на одного члена семьи не более 1500 рублей гораздо шире распространено убеждение, что прожить легче в провинции, а те, чьи доходы превышают 6000 рублей, чаще отдают предпочтение жизни в столицах.

Таблица 2

ОЦЕНКА РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТОВ ЖИЗНИ ЖИТЕЛЯМИ МЕГАПОЛИСОВ И ПРОВИНЦИЙ

(в процентах)*

	Мегаполисы		Провинции	
Аспекты жизни	хорошо	плохо	хорошо	плохо
Материально обеспечены	12,4	29,0	8,2	33,7
Питаются	34,3	10,6	26,6	13,4
Одеваются	18,4	22,6	14,5	23,0
Состояние здоровья	18,7	21,4	18,4	22,2
Жилищные условия	27,0	20,5	28,7	21,9
Отношения в семье	54,6	6,9	56,2	5,7
Возможности проведения досуга	22,1	30,2	18,6	32,2
Ситуация на работе	22,1	12,2	26,3	11,8
Возможность отдыха в период отпуска	23,5	28,8	14,3	40,9
Возможность общения с друзьями	50,7	9,4	48,3	5,9
Возможность реализовать себя в профессии	23,5	19,8	22,2	23,2
Возможность получения образования и знаний, которые необходимы	21,9	22,8	19,7	28,1
Место, регион, в котором живут	37,1	7,1	25,6	17,9
Положение, статус в обществе	20,0	14,3	23,9	13,7
Уровень личной безопасности	7,6	32,5	15,6	29,1
Жизнь в целом складывается	22,1	14,3	22,2	12,9

* Допускался также ответ «удовлетворительно».

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В МЕГАПОЛИСАХ И ПРОВИНЦИЯХ

Одним из наиболее расхожих представлений о жизни мегаполисов и провинций является убеждение в том, что жизнь в мегаполисах в материальном плане «сытая», в то время как провинции живут «бедно». Не случайно для трех четвертей жителей всех российских городов Москва ассоциируется с понятием «благосостояние», в то время как провинции более чем для половины из них ассоциируются с понятием «деградация». Насколько оправданно такое представление, и действительно ли очень велик разрыв в уровне жизни между мегаполисами и провинциями?

Рассмотрим этот вопрос с двух сторон: во-первых, с субъективной (на основе самооценок респондентов), а во-вторых, с объективной. Начнем с первого аспекта и посмотрим, как сами жители мегаполисов и провинций оценивают различные стороны своей жизни.

Как видно из таблицы 2, общий характер и удовлетворенности, и неудовлетворенности жителей мегаполисов и провинций своей жизнью практически одинаков – скорее довольны, чем недовольны, в большинстве своем и те, и другие *своим питанием, жилищными условиями и статусом в обществе.* При этом и те, и другие скорее недовольны, чем довольны, тем, как они *одеваются, уровнем личной безопасности, а также своими возможностями проведения досуга, отдыха в период отпуска, получения необходимого образования и знаний.*

В обоих случаях представители бедных слоев населения, которые обычно жалуются прежде всего на плохое питание, составляют меньшинство, хотя в провинциальных городах доля бедных слоев населения все же больше, чем в мегаполисах. Более того, и в том, и в другом случае доля представителей достаточно обеспеченных слоев населения, которые имеют благополучную, хотя и не богатую жизнь, включая возможность полноценного отдыха в период отпуска, составляет относительное меньшинство – несмотря на то, что в мегаполисах и в провинциях оценки своих возможностей отдохнуть в период отпуска разнятся достаточно заметно, все же не менее трех четвертей жителей всех российских городов не имеют возможности полноценного отдыха в период отпуска.

В целом на основе данных проведенного исследования можно сделать заключение о том, что *в мегаполисах доля бедных в составе населения несколько меньше, чем в других российских городах, доля благополучных слоев населения – несколько больше, чем в провинциях, но и в тех, и в других большинство населения (около 60%) составляют люди, имеющие примерно одинаковый уровень жизни.*

Если от различных аспектов, характеризующих субъективные самооценки уровня жизни, перейти к ее качеству, то окажется, что *качество жизни в мегаполисах и провинциях также достаточно близко, но при этом различные составляющие качества жизни в мегаполисах и провинциях представлены по-разному.* Так, метраж приходящейся на 1 человека общей площади практически совпадает в городах всех типов, составляя 16–18 кв. метров. Однако для провинций характерна меньшая степень благоустроенности жилья – если в мегаполисах 86,2% жителей имеют полностью благоустроенное жилье с центральным отоплением, ванной, канализацией и т.п. (причем в Москве их доля выше, чем в Санкт-Петербурге), то в городах-миллионниках таких жителей уже всего 78,6%, а в райцентрах – 72,8%. Более того, 14,2% жителей райцентров живут в домах вообще безо всяких удобств, в то время как в областных центрах доля таковых среди опрошенных – 8,5%.

По другим аспектам качества жизни в мегаполисах и провинциях также наблюдаются заметные расхождения. Например, по досуговой активности картина складывается в пользу жителей мегаполисов, а по такому важному показателю, как уровень личной безопасности, – в пользу жителей провинций. При этом здесь выявляется жесткая закономерность, – чем меньше город, тем большая доля его жителей характеризует уровень своей безопасности как «хороший» и тем меньшая – как «плохой». Данная тенденция относится ко всем возрастным группам. Тем самым можно сказать, что *за более высокие жизненные шансы молодежи и более высокий уровень жизни части населения жителям мегаполисов приходится расплачиваться страхом как за собственную безопасность, так и за безопасность членов своей семьи.*

Если же обратиться к такому аспекту жизни, как возможность получения необходимого образования и знаний, то оценка подобной возможности резко различается в зависимости не только от типа города, но и от возраста респондентов, особенно среди молодежи до 30 лет. Так, в этой возрастной группе в составе жителей мегаполисов соотношение оценивающих эти возможности как «хорошие» и «плохие» составляло 3:1, в большой провинции – 1,3:1, а в малой провинции – 1:1,1. В последующих возрастных группах эта разница уменьшалась, но при этом везде сокращалась и доля тех, кто оценивал свои возможности в получении необходимых знаний как «хорошие», и ее начинала намного опережать доля тех, кто оценивал свои возможности в этой сфере как «плохие». Причем в мегаполисах этот перелом происходил в возрасте 30–40 лет, в большой провинции – в группе 26–30 лет, а в малой провинции даже в возрасте студенческой молодежи наблюдалось превышение доли неудовлетворенных своими возможностями получения образования над долей удовлетворенных ими. *Это свидетельствует не только о том, что молодежь райцентров в настоящее время испытывает дискриминацию в сфере получения необходимого образования, но и о том, что возможности дополнительного обучения, непрерывного образования взрослых явно недостаточны даже в мегаполисах, хотя постоянное самообучение является важнейшей предпосылкой динамичного развития экономики страны.*

Рассмотрим теперь объективный аспект проблемы уровня жизни в мегаполисах и провинциях, а именно – уровень доходов их жителей. Вокруг этой проблемы очень много надуманных суждений и спекуляций. Как показывает наше исследование, различия здесь существуют, но они не столь велики, как это принято считать. Среднемесячный душевой доход по мегаполисам составляет, по самооценкам респондентов, 5900 рублей, в провинциях – 3150 рублей. Причем в зависимости от размера и типа поселения душевые доходы россиян плавно снижаются. Так, в малой провинции их величина составляет в среднем не более 2800 рублей на члена семьи, а в Москве – свыше 6000 рублей. На первый взгляд этот разрыв в доходах кажется весьма значительным, но если учесть разницу в стоимости жизни в Москве или Санкт-Петербурге, где только на транспорт многим их жителям приходится тратить по 700–800 рублей в месяц на человека, то становится понятно, что разница в доходах во многом лишь компенсирует различия в стоимости жизни.

При этом, судя по нашим данным, жители мегаполисов для того, чтобы они не оценивали свое материальное положение как «плохое», должны иметь душевой доход, как правило, не менее 3000 рублей на человека в месяц, а в провинциях – не менее 2000 рублей. Именно этот уровень доходов воспринимается населением соответствующих населенных пунктов как «черта бедности».

Если посмотреть, какая же доля российского населения в мегаполисах и провинциях имела на рубеже 2003–2004 годов среднемесячные душевые доходы ниже этой черты, то мы увидим, что *доходы ниже черты бедности имели, судя по данным нашего исследования, пятая часть жителей мегаполисов и четверть жителей провинций.* Причем 11,1% жителей мегаполисов имели, по их самооценкам, менее 2000 рублей среднемесячного дохода на человека и еще 10,2% имели доходы свыше 2000, но менее 3000 рублей на человека в месяц. В провинциях же доходы до 1400 рублей, т.е. примерно 2/3 от прожиточного минимума, имели 9,6% и еще 15,0% имели доходы более 1400, но менее 2000 рублей.

При этом верхние 5% жителей мегаполисов получали среднемесячные душевые доходы от 20 000 до 30 000 рублей, а в провинциях доходы верхних 5% начинались с 6500 рублей. Это еще раз демонстрирует, что *наиболее благополучные слои населения мегаполисов живут гораздо лучше, чем наиболее благополучные слои в провинциях, но во всех типах поселений данные слои составляют незначительное меньшинство.*

Нетрудно заметить, что эти цифры удивительно точно совпадают с теми, которые были приведены выше относительно доли населения, живущего в соответствующих типах российских городов ниже

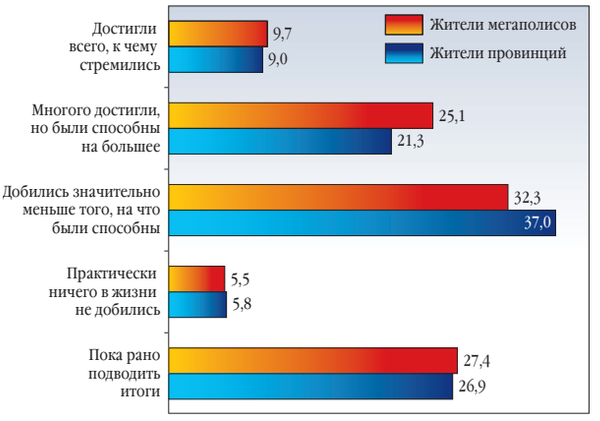
существующей в массовом сознании черты бедности. Причем в провинциях они совпадают с точностью до десятой доли процента, а в мегаполисах на 2,8% меньше. Однако применительно к мегаполисам надо учитывать, что в них шире распространена практика безвозмездной передачи относительно дорогостоящего, но морально устаревшего имущества, прежде всего различной бытовой техники, неблагополучным родственникам, соседям, знакомым и т.д., так что полученная разница во многом объясняется именно этой житейской практикой.

В этой связи нельзя не сказать и о том, с какой динамичностью обновляется имущество в мегаполисах и провинциях. За последние 7 лет в мегаполисах каждая семья приобрела в среднем (без учета элитных и субэлитных слоев населения, не попадающих в массовые опросы) 6,2 новых видов имущества. В провинциях этот показатель составил 4,2, т.е. был в полтора раза меньше. Та же пропорция прослеживается и применительно к имуществу, приобретенному в течение последнего года. При этом каждый седьмой житель мегаполисов и каждый пятый житель провинций за последние семь лет вообще не смогли приобрести какого-либо нового предмета домашнего имущества.

Несмотря на различия в количественных показателях доходной и имущественной обеспеченности, объективно существующих между Москвой и Санкт-Петербургом, с одной стороны, и российскими провинциями – с другой, структура источников доходов всего городского населения России независимо от места проживания практически одинакова. И в том, и в другом случае основу ее составляют доходы от занятости (зарплата по основному или дополнительному месту работы) и социальные/частные трансферты (пенсии, пособия, льготы и т.п., а также получаемая от родственников, соседей, друзей и т.п. помощь). Тем не менее удельный вес совместительства и приработков явно выше в столичных регионах, в то время как доля социальных трансфертов и помощи, напротив, выше в провинциях, причем тем выше, чем меньше населенный пункт. Так, в мегаполисах зарплата, приработки и трансферты присутствуют соответственно у 75,6, 37,4 и 29,3% населения, а в провинциях – у 75,9, 25,3 и 34,2% соответственно.

Следует подчеркнуть, что разница в доходах подавляющего большинства жителей столиц и провинций в первую очередь связана с различным уровнем заработной платы, поскольку именно зарплата по основному месту работы является главным источником дохода для большинства россиян независимо от их места жительства. Кроме того, очевидно, что в мегаполисах вообще больше возможностей для занятости, включая дополнительную, что отражается в опережающей доле совместительства и приработков в общей структуре совокупных доходов. Что касается других возможных источников денежных поступлений, то их удельный вес остается низким в структуре доходов подавляющего большинства россиян, где бы они ни проживали.

1



ОЦЕНКА СТЕПЕНИ РЕАЛИЗОВАННОСТИ СВОИХ ЖИЗНЕННЫХ ПЛАНОВ ЖИТЕЛЯМИ МЕГАПОЛИСОВ И ПРОВИНЦИЙ (В ПРОЦЕНТАХ)

Так, только 5,3% столичных жителей и 5,4% жителей провинций упоминают о наличии у них доходов от собственного бизнеса. Что же касается доходов от собственности, сдачи в аренду имущества, процентов по вкладам, инвестициям, займам и т.д., то они присутствуют у 5,3 и 2,8% соответственно.

Как показало исследование, именно недостаточность эффективной занятости и собственных ресурсов у определенной части населения России не позволяет большинству городского населения России иметь сбережения, свободные средства для выстраивания дополнительных экономических стратегий. Так, если в целом о том, что денег не хватает на текущие расходы, не говоря уже о сбережениях, сообщило 20,6% жителей мегаполисов, 29,0% жителей крупных областных центров и 36,3% жителей малых городов, то среди тех, кто вынужден «вертеться», комбинируя разнообразные способы улучшения собственного материального положения, насчитывается уже 34,6% первых, 38,7% вторых и 55,0% третьих.

Сложнее всего приходится тем россиянам, которым не хватает накопленных ресурсов и доходов от занятости, кто выживает, опираясь на помощь, и постоянно изобретает дополнительные способы получения средств для существования. Для них характерно прежде всего откладывание денег на черный день, причем только на самые настоятельные, а не на дополнительные расходы. И особая роль в их выживании принадлежит включенности в межсемейную помощь ресурсами.

В целом можно констатировать, что в различных типах поселений и регионах возможности, которые люди используют для улучшения своего материального положения, заметно различаются, хотя эти различия и не носят качественного характера. По мере улучшения экономического положения регионов происходит сближение моделей экономического поведения в мегаполисах и провинциях, а решающую роль для преодоления или консервации этих различий будет играть характер дальнейшего экономического развития России в целом.

Таблица 3

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ
МЕГАПОЛИСОВ И ПРОВИНЦИЙ О ЖИЗНЕННОМ УСПЕХЕ
(в процентах)*

Включают в понятие «жизненный успех» в первую очередь	Мегаполисы	Провинции
Наличие семьи и детей	70,0	68,4
Наличие надежных друзей	57,1	54,6
Интересная работа	55,3	55,1
Уважение окружающих	47,7	48,0
Возможность быть самому себе хозяином	35,9	28,2
Честно прожитая жизнь	31,6	40,2
Яркие жизненные впечатления	30,2	21,2
Возможность жить не хуже других	27,2	32,4
Богатство	21,4	20,5
Наличие престижной собственности (иномарка, коттедж и т.п.)	12,7	9,8
Высокая должность	6,2	8,7
Быть первым во всем, что мне кажется важным	5,3	5,3
Достижение известности, популярности	3,7	1,9
Обладание властью	2,1	2,5
Победа над своими врагами	1,8	2,6

*Допускалось несколько вариантов ответа.

ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕЛИ И СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

Первое, что бросается в глаза при анализе результатов проведенного исследования, – это тот факт, что *жители мегаполисов и провинций оценивают свою жизнь в целом практически одинаково.* Считают, что жизнь у них складывается хорошо, 22,1% жителей мегаполисов и 22,2% жителей провинций. Почти две трети и в мегаполисах, и в провинциях (соответственно 63,6 и 64,9%) оценивают ее на «удовлетворительно» и менее 15% (14,3% в мегаполисах и 12,9% в провинциях) считают, что жизнь у них складывается плохо.

Более того, как это ни парадоксально, но очень близка, вопреки расхожим мифам о больших и разнообразных возможностях, предоставляемых мегаполисами, оказалась у жителей разных типов поселений и оценка степени реализованности собственных жизненных планов.

Как видно из приведенных на рисунке 1 данных, видимых различий между жителями мегаполисов и провинций в их оценках реализации своих жизненных планов не просматривается. И в этом плане опять-таки можно говорить о *«единой России», объединяющей как большинство жителей столиц, так и подавляющее большинство жителей провинций.*

Однако прежде чем утверждать это с уверенностью, необходимо проверить: а не является ли такая ситуация с самооценками своей жизни и реализацией своих планов следствием того, что жители мегаполисов имеют иные устремления и относительно более высокие требования к жизненным планам и возможностям их самореализации, чем жители российских провинций?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как вообще выглядят представления жителей мегаполисов и провинций о жизненном успехе.

Как видно из данных, приведенных в таблице 3, в целом представления россиян о жизненном успехе очень близки независимо от того, где они проживают. В первую очередь *это – наличие семьи и детей, надежных друзей и интересной работы, уважение окружающих, возможность быть самому себе хозяином и честно прожитая жизнь.* Впрочем, в отношении популярности такого слагаемого жизненного успеха, как честно прожитая жизнь, российские провинции заметно опережают мегаполисы, так же как мегаполисы опережают провинции в отношении роли в жизненном успехе возможности быть самому себе хозяином.

При оценке реальной ситуации, а не потенциальных возможностей показатели, по которым россияне усматривают преимущества мегаполисов или провинций, оказываются практически идентичны. И все-таки в целом предпочтение отдается мегаполисам. При этом наиболее распространена точка зрения, что в мегаполисах жить лучше и легче, среди жителей мегаполисов, приехавших в них 5–10 лет назад. Это воспроизводит тот известный по зарубежным российским эмигрантам феномен, когда большинство недавних эмигрантов являются более горячими патриотами своей новой Родины, чем ее коренные жители, поскольку, с одной сторо-

ны, они приехали на новое место с особой мотивацией, а с другой – такой настрой необходим им для быстрой и успешной адаптации к новым условиям.

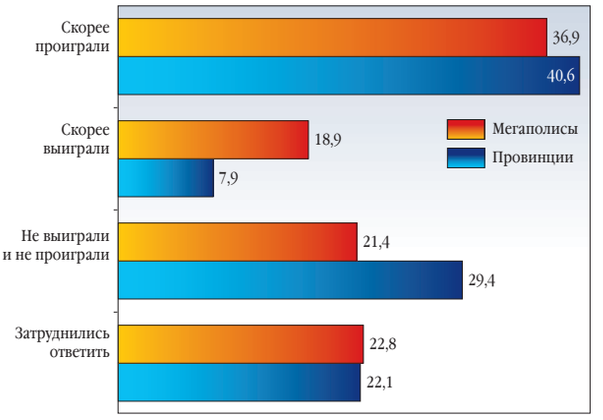
Думается, однако, что при всей важности этого фактора главное все же в другом – *в огромной роли «информационной картинки», в формируемых СМИ образах столиц и провинций.* Причем в глубине души большинство россиян понимает, что эти образы могут быть достаточно далеки от истины. Иначе трудно объяснить тот факт, что только 12,3% жителей провинций хотели бы жить в мегаполисах – это практически столько же, сколько в сумме набрали ответы «в других городах России» и «за границей». Даже среди молодежи до 30 лет, то есть самой мобильной части населения российской провинции, хотели бы жить в Москве или Санкт-Петербурге всего 19,9%. При этом популярность Санкт-Петербурга оказалась вдвое выше, чем Москвы. В других городах России хотели бы жить 5,0% и за рубежом – 9,4% респондентов из провинций.

Однако *наличие реальных «историй успеха» и горячий патриотизм по отношению к своей новой «малой Родине» недавно переехавших в столицы жителей провинций работают на самовоспроизводство мифа о преимуществах жизни в мегаполисах,* в том числе и за счет контактов новых жителей столиц со своими бывшими земляками, перед которыми они, естественно, стремятся подчеркнуть в первую очередь преимущества своего нового положения. Осознанно или неосознанно, а скорее просто по незнанию реального положения дел активно способствуют распространению этих мифов и масс-медиа.

Формирование и распространение подобных мифов приводит в итоге к тому, что в столицы приезжают многие представители социально активной части населения российских провинций, воспроизводя в новых рыночных условиях традиции советской эпохи, когда этот процесс носил хотя и более целенаправленный, управляемый, но по сути своей тот же характер. Судя по данным проведенного исследования, только чуть более половины жителей Москвы родились и выросли в Москве, причем только у половины из них и родители прожили в Москве всю жизнь. Похожая ситуация наблюдается и в Санкт-Петербурге. Каждый десятый москвич и петербуржец переехал в эти города еще в детстве, и свыше 30% населения этих городов составляют мигранты первого поколения, приехавшие в столицы уже взрослыми.

Однако наплыв приезжих характерен не только для Москвы и Санкт-Петербурга. Динамичные миграционные потоки характерны и для провинциальной России, что *опровергает еще один миф – о жесткой привязанности российского населения к месту своего постоянного проживания, которая мешает развитию рынка труда.* Во всяком случае, судя по данным исследований ИКСИ РАН, ограничителем здесь выступает не столько отсутствие готовности населения к смене своего места жительства ради получения хорошей работы, сколько негарантированное наличие этой работы во всех типах поселений, включая Москву и Санкт-Петербург. Ведь даже в нынешней ситуации 13,6% жителей

2



ОЦЕНКА ЖИТЕЛЯМИ МЕГАПОЛИСОВ И ПРОВИНЦИЙ СОБСТВЕННОГО ВЫИГРЫША/ПРОИГРЫША ОТ РЕФОРМ (В ПРОЦЕНТАХ)

российских провинций приехали в их нынешнее место жительства за последние 5 лет, и еще почти треть сменила свое место жительства свыше 10 лет назад. Причем пропорция эта практически не меняется в зависимости от величины провинциального города.

Именно *такая весьма значительная по своим масштабам миграция и обеспечивает во многом единство ценностных ориентаций и жизненных устремлений населения России, которое позволяет говорить о россиянах как о реальной, а не мнимой социальной общности.* Кроме того, она означает очень плотный и прочный каркас личных связей между мегаполисами и провинциями, а также между различными регионами и разными типами городов внутри регионов. Только 22,6% жителей мегаполисов и 20,0% жителей российских провинций не имеют близких им людей, с которыми они поддерживают постоянные контакты, в других регионах и населенных пунктах страны.

После всего, что было сказано о материальном положении, возможности реализации жизненных планов жителей столиц и провинциальных городов, вряд ли покажется удивительным, что по социально-психологическому самочувствию они также достаточно близки. Причем это проявляется двояко. С одной стороны, в схожести ощущений адаптированности к новым условиям жизни, самооценке своего выигрыша или проигрыша от реформ, а с другой стороны, в близости тех чувств, которые у них доминируют в последнее время.

Посмотрим сначала, как оценивают жители мегаполисов и провинций влияние проводившихся с 1992 года в стране реформ на собственную жизнь.

Как видно из рисунка 2, между мегаполисами и провинциями есть только одно существенное отличие – доля жителей, считающих себя выигравшими, в мегаполисах в 2,4 раза выше, чем в провинциях. Однако в абсолютных числах и в мегаполисах, и в провинции это – относительно небольшая часть населения.

Кроме того, судя по результатам исследований ИКСИ РАН, за последние годы *резко сократилось число жителей провинций, считающих себя проиг-*

Таблица 4

ОЩУЩЕНИЕ ЖИТЕЛЯМИ МЕГАПОЛИСОВ И ПРОВИНЦИЙ ВЫИГРЫША/ПРОИГРЫША ОТ РЕФОРМ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТИПА ПОСЕЛЕНИЯ

(в процентах)

	Мегаполисы		Большая провинция		Малая провинция	
За годы реформ	1996	2003	1996	2003	1996	2003
Выиграли	15,8	18,7	6,5	8,9	5,2	5,9
Не выиграли, но и не проиграли	31,0	21,4	23,3	29,0	23,3	30,4
Проиграли	38,0	37,1	59,0	39,3	62,8	43,2
Затруднились ответить	15,2	22,8	11,2	22,8	8,7	20,5

равшими от реформ. Это исключительно важная тенденция, которая отражает процесс возрождения российских провинций (по крайней мере, в отношении крупных и средних городов). А это означает, что вне контекста рассмотрения российских провинций в динамике, без учета материальных и духовно-психологических факторов их динамичного развития в последние годы нельзя понять ни того единодушия по многим общенациональным вопросам, которое проявляют жители всех типов российских городов, ни того, почему настолько ярко проявляются расхождения между реальным положением дел, имеющим место в мегаполисах и провинциях, и теми их образами, которые регулярно тиражируются в СМИ.

Особенно нагляден процесс улучшения жизни в российских провинциях за последние годы, если посмотреть на картину выигрыша/проигрыша от реформ с учетом разницы типов городов.

Как видно из таблицы 4, число проигравших от реформ в российских городах разных типов почти сравнялось, хотя выигравшими в большей степени пока продолжают себя считать жители мегаполисов. Причем, судя по данным исследования, выиграли прежде всего потомственные жители мегаполисов, накопившие значительный социальный, образовательный и культурный потенциал, – среди них выигравшими ощущают себя более четверти. В то же время по мере сокращения стажа жизни в обеих столицах доля выигравших плавно сокращается, колеблясь вокруг показателя в 15%. Таким образом, *далеко не все жители мегаполисов имели в последнее десятилетие равные возможности воспользоваться теми шансами, которые предоставили реформы, хотя даже в самой благополучной их группе ощущающие себя выигравшими все равно составляют меньшинство.*

Как показывают исследования ИКСИ РАН, с 1999 года эмоциональное состояние жителей мегаполисов и провинций претерпело определенные изменения. Так, в 1999 году преобладали негативные чувства, но в провинциях отрицательные эмоции встречались заметно чаще, чем в мегаполисах. К настоящему времени ситуация выровнялась, и это также является свидетельством того улучшения жизни в российских провинциях в последние годы, о котором говорилось выше. Такие ярко выраженные негативные эмоции, как страх, отчаяние, озлобленность, чаще испытывали люди больные, бедные, пожилые, то есть те, кто, как правило, в силу вполне объективных причин (преклонный возраст, плохое состояние здоровья) не сумели адаптироваться к новым условиям жизни. Причем такие отрицательные чувства, как страх и отчаяние, чаще встречались у женщин, а чувство озлобленности было более характерно для мужчин. Кроме того, если в мегаполисах мужчины значительно чаще, чем женщины, были настроены агрессивно (соответственно 20,9 и 7,8%), то в провинциях эта разница в негативном эмоциональном настрое представителей разных полов была менее заметна (соответственно 17,8 и 13,0%). Естественно, бодрость и эмоциональный подъем везде ощущали прежде всего молодые, здоровые, высоко обеспеченные, выигравшие в результате рыночных реформ люди.

Если от нынешнего социально-психологического состояния жителей мегаполисов и провинций перейти к тому, как они видят свое «завтра», то надо сразу отметить, что россияне по натуре все-таки оптимисты и, несмотря на все имеющиеся проблемы, размышляют о будущем в достаточно оптимистичных тонах. Причем интересная тенденция: *чем малочисленнее тип поселения, тем чаще среди его жителей преобладают положительные настроения при мыслях о будущем.* Из позитивных чувств наиболее характерны вера в то, что все будет хорошо, а также надежда на лучшее. Из негативных эмоций чаще ощущается беспокойство (это чувство испытывает около трети жителей мегаполисов и провинций). Со страхом и отчаянием смотрит в будущее лишь незначительная часть горожан (7–8%).

К ОБЩИМ ВЫВОДАМ

Как показало исследование, в настоящее время жители провинций, как и сами москвичи, довольно четко разводят Москву как некий центр концентрации власти и богатства, с одной стороны, а с другой – как город, населенный миллионами людей, которые повседневно сталкиваются с теми же проблемами, что и остальные россияне.

Если обратиться к ключевым понятиям, с помощью которых россияне охотнее всего определяют сегодняшний образ Москвы и образ провинции, то получается следующая картина. Москва предстает как сгусток энергии, образованности и деловитости. Но вместе с тем и как зона повышенного риска, а также морального неблагополучия. Провинции, напротив, воспринимаются как пространство, населенное честными, открытыми и душевными, но не слишком динамичными людьми. Жизнь здесь более спокойная, но одновременно и более скучная. Подобные взгляды являются общепринятыми. И москвичи, и жители провинциальных городов разделяют их почти в одинаковой степени. При этом каждая из сторон склонна приписывать себе те же качества, которые видит в ней другая сторона, не исключая и отрицательных: москвичи так же безоговорочно признают за собой заносчивость, эгоизм и недостаток патриотизма, как и жители глубинки за собой – лень и склонность к неумеренному употреблению алкоголя.

Весьма примечательно, что в сознании провинциальных жителей представлен не только негативный, но и отчетливо позитивный образ современной провинциальной России, где жизнь совсем не такая плохая, как ее пытаются подчас представить, и где люди могут жить так же хорошо, как и в столичных городах. В целом полученные данные позволяют говорить о наличии «местного патриотизма», в том числе и среди молодежи, о привязанности людей к своей малой родине, несмотря на все трудности, которые пережила Россия за последние 10–15 лет.

Исследование показало, что потребительское и инвестиционное поведение населения России по многим параметрам существенно различается, причем в зависимости как от места проживания, так и от используемых практик выживания. Свободные деньги гораздо чаще появляются у того типа населения, которое опирается на имеющиеся ресурсы и занятость. Учитывая большие возможности столичных рынков труда, становится понятно, почему в мегаполисах показатели по покупке валюты, крупным инвестициям в землю, недвижимости, да и по традиционным видам накопления (на сберкнижке или в «чулке») превышают провинциальные показатели.

Рассмотрение экономического положения и стратегий экономического поведения жителей мегаполисов и провинций показывает, что противопоставление якобы богатых жителей мегаполисов жителям «обнищавших» провинций – один из весьма далеких от реальности мифов сегодняшней социально-политической мифологии. Судя по полученным данным, напротив, можно говорить скорее о «единой России», объединяющей как большинство жителей столиц, так и подавляющее большинство жителей большой и малой провинций. Этой заметно преобладающей части населения России, живущей практически по одинаковым жизненным стандартам, противостоит очень небольшая в численном отношении часть наиболее благополучных россиян, сосредоточенная преимущественно в столицах и отнюдь не совпадающая с населением столиц в целом.

Не подтвердилось широко распространенное мнение – о жесткой привязке наших сограждан к своим «насиженным» местам, о крайне ограниченном в России миграционном потоке, сдерживающем развитие рынка труда. Согласно полученным данным, наплыв приезжих характерен не только для мегаполисов, но и для провинциальных городов. Во всяком случае, каждый седьмой-восьмой представитель большой и малой провинций приехал на свое нынешнее место жительства и работы за последние 10 лет, то есть уже за годы реформ.

Таким образом, вопреки сложившимся стереотипам, жители российских городов сегодня, независимо от того, в каких городах они проживают, – это в подавляющем большинстве довольно близкие по своим возможностям и весьма мобильные люди, представляющие реальную, а не выдуманную Россию. Этому реальному миру, сегодняшней России с очень близкими возможностями для своих граждан, противостоит другой мир – виртуальный, в значительной степени создаваемый масс-медиа, где есть только процветающие мегаполисы с неограниченными возможностями и нищие угасающие провинции. При этом в виртуальном мире обычно забывают про зоны угасания и нищеты в мегаполисах, как и о расцветающих в последние годы городах российских провинций. В результате подобной информационной политики в обществе создается искусственное напряжение в отношениях между мегаполисами и остальной Россией, смягчает которое только здравый смысл и жизненный опыт самих россиян.

В целом же главный вывод исследования очевиден: *ментальное пространство России характеризуется значительной однородностью. В нем, безусловно, имеются разного рода вариации, но вряд ли есть четко выраженные границы или тем более разрывы, дающие основания противопоставлять друг другу «две России» – столичную и провинциальную.*